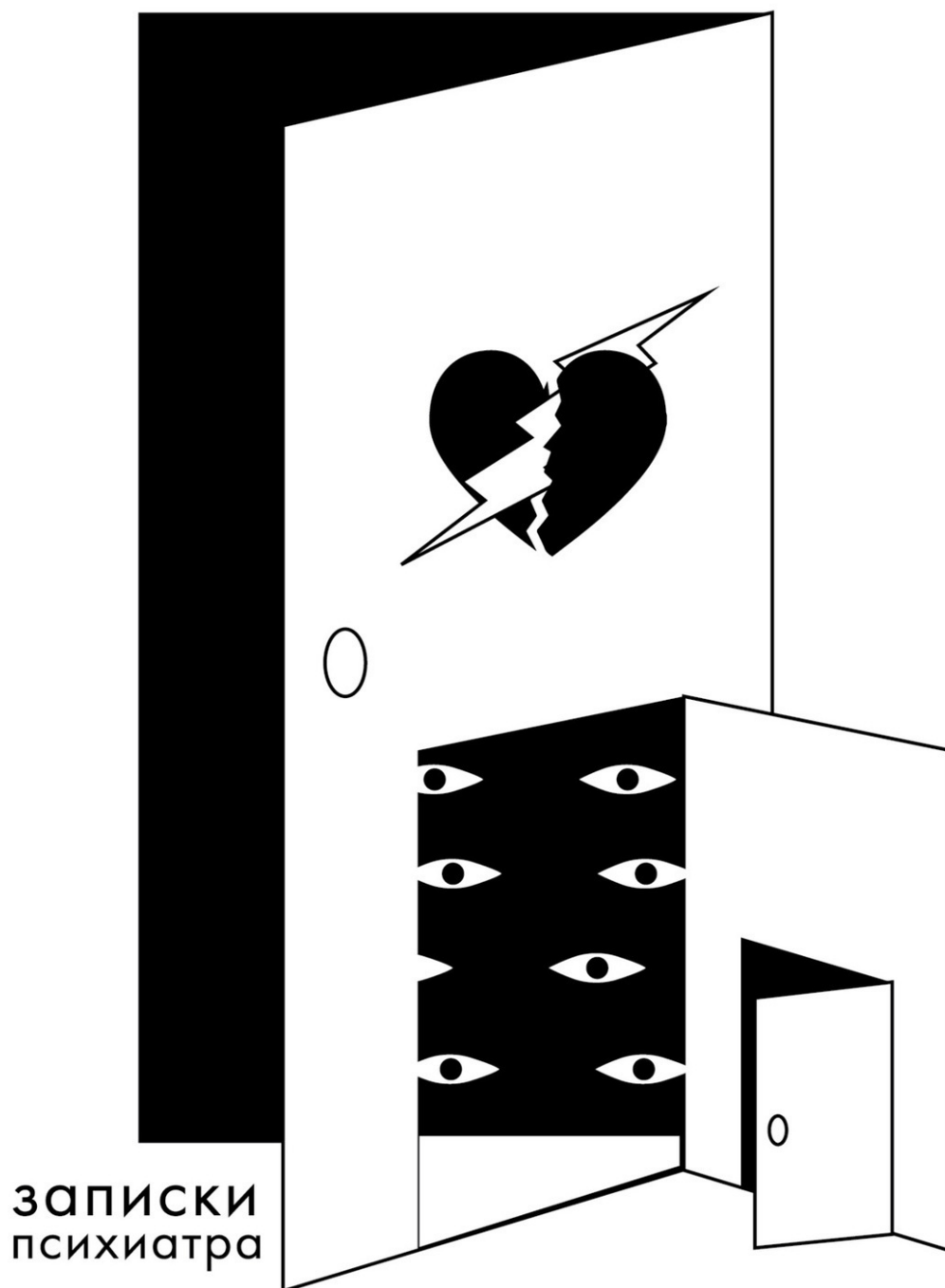

ФРАНК ТАЛЛИС

НЕИЗЛЕЧИМЫЕ
РОМАНТИКИ
ИСТОРИИ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ
ЛЮБИЛИ СЛИШКОМ СИЛЬНО

Франк Таллис

**Неизлечимые романтики.
Истории людей, которые
любили слишком сильно**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 159.96
ББК 88.53

Таллис Ф.

Неизлечимые романтики. Истории людей, которые любили
слишком сильно / Ф. Таллис — «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-111563-0

Книга представляет собой записки британского психиатра, реальные истории из его врачебной практики. Каждая история связана с одной из форм любовных зависимостей и психических патологий, возникших на почве влюбленности. Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 159.96

ББК 88.53

ISBN 978-5-17-111563-0

© Таллис Ф., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Франк Таллис
Неизлечимые романтики. Истории
людей, которые любили слишком сильно

© Incurable romantic, Frank Tallis, 2018

© Little, Brown, 2018

© Е.М. Егорова, перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Предисловие

Римский поэт и философ Лукреций Кар в своем главном труде – философской поэме «О природе вещей» – затрагивает множество тем: различные формы материи, бесконечность Вселенной, время. Говорит поэт и о человеческом разуме, поведении, душе, с горечью рисуя человеческие страдания, в частности, разочарования в любви.

Лукреций дает описание того, что происходит с влюбленным человеком, замечая, что вихрь ненасытных желаний опьяненных любовью людей и слияние в сексуальном экстазе – безудержном и страстном – даруют лишь временное облегчение. Влюбленным постоянно не хватает друг друга, им хочется слиться в единое целое. Лукреций преподносит влюбленность как некую болезнь или, того хуже, помешательство. Любовь, по его словам, подобна неизлечимой хвори, а влюбленные страдают от ран, невидимых человеческому глазу. У тех, кого она коснулась, возникает любовная горячка: они слабы, забывают о своих обязанностях и утрачивают хорошую репутацию. Они творят глупости, спускают состояние на дорогие подарки, подчиняют свою жизнь чужим прихотям, становятся неуверенными в себе, их обуревают ревность. Не правда ли, всё это похоже на зависимость?

Влюбленные впадают в самообман и уже не в состоянии мыслить критически. Их видение мира сродни неугасающей галлюцинации. Посредственность или даже уродство видятся им неземной красотой. Они даже помыслить не могут о разлуке со своей второй половинкой, а все прочие люди для них перестают существовать. Влюбленные становятся уязвимыми и беспомощными, и минуты наслаждения – совместные плотские утехы – лишь ещё больше ослабляют их и сковывают их волю. Богиня любви, предостерегает Лукреций, так просто не отпустит.

Довольно примечательно, что римский философ, живший более двух тысяч лет назад, даёт описание любовного недуга, который мы с лёгкостью узнаём. Похоже, с древних времён человеческая природа не так уж и сильно изменилась. Но это ещё не всё. Лукреций идёт дальше и, развивая свою мысль, разделяет любовь на два вида: любовь здоровую и любовь болезненную. На подобном делении, если смотреть в целом, строится вся психиатрия: среди множества нормальных людей она старается выявить личностей с теми или иными отклонениями.

Симптомы, которые Лукреций приписывает здоровой, гармоничной любви, по сути мало чем отличаются от симптомов любви с отклонениями – они просто не так интенсивны. Мне кажется, Лукреций не размышлял на данную тему всерьёз, и классификация в его поэме появилась, лишь чтобы обыграть придуманную им шутку.

Страдающие от любви люди, согласно его описанию, мало чем отличаются от дурачков. Тон его произведения действительно довольно уничижительный. Философ призывает посмеяться вместе с ним над безрассудством и причудами влюбленных, и, думаю, многие читатели охотно разделят его точку зрения. В самом деле, наблюдая за нелепым поведением влюбленных людей, можно получить малую толику удовольствия, пусть и довольно сомнительного качества; вот только, насмехаясь над влюбленными, сами мы ведём себя как лицемеры или бездушные машины. Ведь какой человек, влюбившись, не творит глупостей или хотя бы не меняется в своём поведении? Только мизантроп или тот, кто привык подавлять свои эмоции.

О самом Лукреции нам мало что известно. Святой Иероним рассказывает, что он покончил с собой в самом расцвете сил. Предположительно, его свела с ума любовь. Наверно, Лукрецию стоило отнестись к любовному недугу посерьёзней.

Эта оперная певица, одарённая недюжинным талантом, была умна, успешна и очень несчастна. Вдобавок ко всему она была раздражительна, как и многие пациенты, страдающие депрессией. Рассказывая о сексуальных отношениях с мужем, певица заметила, что чувствует себя надутной куклой. Она попыталась изобразить, как при этом выглядит. Затем метнула

взгляд на меня, словно только заметила моё присутствие. Глаза её сузились. «Почему вы этим занимаетесь?» – требовательно спросила она. Я не думая ответил: «Это просто моя работа...»

Очевидно, что пациентка ожидала услышать от меня более глубокое и развёрнутое объяснение. «Каждый день люди рассказывают вам о своих проблемах и страданиях, – продолжила она. – И вы выслушиваете все эти неприятные вещи! Неужели вам нравится зарабатывать на жизнь подобным образом?» Вдруг гнев в её глазах потух, и я понял, что она уже пожалела о том, что задала мне этот вопрос. Я услышал чуть слышное робкое извинение. «Ничего страшного», – откликнулся я. После чего дал пациентке продуманный ответ, хотя и он не был истинной.

В самом деле, почему я стал психотерапевтом?

Можно ответить красиво и без ущерба для репутации: я хочу помогать людям, – и здесь есть доля правды. Однако такой ответ довольно поверхностен и совершенно неинформативен. Это все равно что спросить пожарного, почему он решил пойти в пожарную охрану, и получить ответ: «Чтобы тушить огонь».

Сколько себя помню, мне всегда нравились заброшенные места, неясно очерченные границы, полумрак и странные необъяснимые феномены. Подростком я обожал ужастики и зачитывался книжками о жутких паранормальных явлениях, потому что именно в такой литературе описывались закоулки человеческого разума и истоки невменяемого состояния. Я становился старше, и постепенно одержимость необычными явлениями (в частности психологическими отклонениями) перешла из чувственной сферы в интеллектуальную: моя страсть переросла в научный интерес. Хотя сама одержимость осталась прежней.

Я работал в самых различных заведениях, даже в огромных больничных комплексах, и всегда, как только подворачивался случай, покидал людные места типа приёмного отделения, амбулатории, миновал больничные палаты, где протекает обычная врачебная деятельность, и пускался в свободные блуждания по подвалам, пустым коридорам и покинутым кабинетам. Порой я довольно долго гулял по заброшенным, объатым тишиной больничным помещениям, где редко встретишь живую душу. Однажды во время одной такой вылазки я наткнулся на заброшенную операционную с зеркальным потолком. Большинство зеркал были разбиты, а кафельный пол был усеян осколками. В самом центре операционной располагалось старинное устройство, покрытое белой эмалью. Оно напоминало телескоп, взгромождённый на платформу с колёсами и оборудованный рычагами. Мне показалось, что я попал в роман Герберта Уэллса или Жюль Верна.

В другой раз мне посчастливилось найти комнату, заставленную пыльными стеллажами, на полках которых покоились прямоугольные коробочки из органического стекла, и в каждой из них в формалине хранился кусочек человеческого мозга.

В недрах психиатрической лечебницы викторианской эпохи я наткнулся на небольшой музей, в котором были собраны рисунки душевнобольных пациентов. Я оказался единственным посетителем. Смотрительница, беспокойная женщина маленького роста, тут же стала расспрашивать о том, как, по моему мнению, жаркая погода сказывается на желании убивать.

Всякий симптом указывает на одну из причин заболевания. Она может быть связана с нарушением в работе мозга, дисбалансом нейромедиаторов, вытесненными воспоминаниями или искажённым мышлением. Сам же симптом всегда является заключительной точкой всего повествования пациента. Для меня психотерапия связана не только с наукой или состраданием, но ещё и с разговорами – и, возможно, именно с ними в первую очередь. Непростая истина, которую я не мог открыть пребывающей в депрессии оперной певице, состояла в том, что я спокойно переносил ежедневные невзгоды своего ремесла, так как любил слушать истории своих пациентов – особенно те, в которых был элемент неизвестности и развязка которых крылась в необычных или ярких клинических картинах. Свою беспокойную совесть я утешаю тем, что по

части любви к историям меня можно поставить в один ряд с выдающимися мэтрами. Такими, например, как Йозеф Брейер – основоположник психоанализа – и его коллега Зигмунд Фрейд.

Пациентка Брейера рассказывала ему о травмирующих переживаниях прошлого. После долгих бесед врач и его подопечная увидели, что некоторые проявления болезни исчезли.

Каждый человек – живая книга. Разговорная терапия раскрывает её и выпускает истории на волю.

В основу данной книги легли несколько невымышленных историй, героями которых были реальные люди. Все они нуждались в психотерапии, так как переживали сильнейший душевный разлад, связанный с любовью или влюблённостью. Большинство их проблем носило эмоциональный или сексуальный характер, а порой представляло собой смесь того и другого. Любовь романтическая, как полагал Лукреций, почти всегда идёт рука об руку с плотскими желаниями. Описываемые мной клинические случаи (симптомы, чувства и поведение) реальны, однако из соображений анонимности я изменил имена и описание внешности моих пациентов.

Самые первые поэмы о любви появились в Египте более трёх с половиной тысяч лет назад. В этих восхитительных любовных песнях отчаяние влюблённых описывается как болезнь. Первые медицинские тексты также приписывают влюблённости статус заболевания; во втором веке нашей эры греческий врач Гален описывал замужнюю женщину, которая потеряла сон и вела себя неадекватно, потому что влюбилась в танцора. С древних времён и до XVIII века любовная горячка считалась полноправным медицинским диагнозом, однако она почти исчезла в XIX веке. Сегодня выражение «любовная горячка» используется скорее как метафора, нежели как настоящий медицинский термин.

Когда раненные любовью люди начинают рассказывать о своих страданиях, они в лучшем случае могут рассчитывать на лёгкую симпатию, сопровождаемую ироничной, понимающей улыбкой собеседника. А ещё влюблённых часто поддразнивают и подшучивают над ними.

Но любовный недуг – это совсем не пустяк. Безответная любовь может закончиться суицидом (в основном среди молодых людей), а на почве измены и ревности происходит примерно 10 % всех убийств. Более того, есть точка зрения – которая получает всё большую поддержку, – что проблемы в близких отношениях не просто связаны с психическим расстройством, а являются их источником.

Мне часто доводилось наблюдать влюблённых пациентов, чья душевная боль и тревожное поведение были настолько ярко выражены, что могли бы сравниться с любым ведущим симптомом серьёзного психиатрического заболевания. Такие пациенты обычно стесняются раскрывать свои мысли и чувства, так как хорошо знают преобладающий в обществе взгляд: любовный недуг – явление несущественное, скоротечное, инфантильное или даже нелепое. Как же такой взгляд далёк от истины! Эмоциональные и поведенческие изменения, происходящие во влюблённом человеке, могут быть довольно серьёзными и продолжительными. Я видел, как из-за дикой страсти рушился давно устоявшийся жизненный уклад, как страдали от неутраченной агонии люди, которых отвергли; стоял рядом с пациентами на краю их психологического обрыва – тёмной и жуткой бездны – и чувствовал, как одно неосторожное слово, одна неудачная фраза может столкнуть в пропасть; я видел пациентов, готовых последовать манящему зову забвения, обещающего им освобождение и вечный покой, и я всеми силами отговаривал их, но порой зов был сильнее. Я видел людей, иссушённых желанием и тоской, – они становились блёклой тенью себя прежних. Ни в одном из этих случаев мне не хотелось ответить ироничной и понимающей улыбкой.

Термин «неисправимый романтик» не просто снисходительная характеристика – он свидетельствует о неприятной клинической картине. Один из пылких поэтов древнего Египта написал, что ни один лекарь не в силах излечить его сердце. И скорее всего был прав.

Любовь – мощнейший уравниватель. Каждый человек жаждет любви, и каждый хочет влюбиться, каждому знакома утрата любви, и каждый хоть немного, но сталкивался с любовным помешательством. Когда любовь не взаимна, не помогут ни деньги, ни образование, ни положение в обществе. Отвергнутый аристократ уязвим и несчастен точно так же, как отвергнутый водитель автобуса. Практически все выдающиеся умы психотерапии, начиная с Фрейда, соглашались с тем, что человеческое счастье невозможно без любви.

Я убеждён, что проблемы, порождённые любовью: безумная страсть, ревность, разбитое сердце, душевная травма, запретная любовь, зависимость (и многие-многие другие), – заслуживают вдумчивого осмысления. Тем более что граница, отделяющая здоровое чувство от нездорового, зачастую сильно размыта. Надеюсь, это мнение подтвердят тревожные открытия, о которых я расскажу далее. Тревожные – потому что, по сути, они демонстрируют наличие слабых мест нашей нервной системы. Крохотная искра сексуального влечения может разжечь пожар, способный полностью испепелить нас. Такая предрасположенность дремлет в каждом человеке, именно поэтому примеры её проявления в полную силу, наблюдаемые во врачебной практике, настораживают нас и приковывают к себе внимание. Они заставляют нас по-новому взглянуть на собственные отношения с любимым человеком и предупреждают о возможных опасностях, подстерегающих в будущем.

Психотерапия печально известна тем, что в ней нет единого направления. Существует несколько различных научных точек зрения (например, психоаналитическая, гештальт, рационально-эмотивная), каждая из них сформулирована видными представителями, чьи особые подходы хоть в той или иной степени отходят от основного русла психотерапии, но в то же время сохраняют определённый перечень её базовых принципов и ценностей. Эти ответвления формируют диапазон разных господствующих взглядов: от незначительных изменений в общей теории до существенных пересмотров всей доктрины. История психотерапии полна междоусобиц, расколов, ответвлений и интеллектуальных противостояний. Её можно представить в виде дерева с несколькими ветвями, от каждой из которых отходит ещё целое множество веточек и побегов. Такой буйный рост и непрерывное ветвление длятся уже более ста лет и продолжают по сей день.

В книгах, подобных той, что вы читаете, принято описывать теоретическое направление автора. Как правило, симптомы интерпретируются и понимаются исходя из единого, предпочитаемого автором подхода. Мне всегда казалось, что приверженность к одной-единственной точке зрения создаёт ненужные ограничения; я думаю, что даже самые незначительные новаторы в истории психотерапии могли сообщить что-то важное или полезное о происхождении, динамике и устранении симптомов. Поэтому клинические описания в этой книге сопровождаются комментариями с разных точек зрения.

Помимо противостояний внутри дисциплины, психотерапевты также ведут более масштабную и нескончаемую полемику – и здесь они выступают уже более сплочённой командой – с биологическими психиатрами, споря о первоисточнике психических заболеваний. Биологическая психиатрия основана на положении, что причина всех психических расстройств кроется в структурных или химических нарушениях внутри мозга. Благодаря данному заявлению биология, являясь более фундаментальной наукой, обходит психологию. Несмотря на общее происхождение, взгляды на психические заболевания с биологической и психологической точек зрения зачастую диаметрально противоположны, и оппоненты напористо и порой со скандалами отстаивают своё видение. Повторюсь, подобные дебаты, полные бескомпромиссных заявлений, мне кажутся совершенно бесплодными.

Даже если кто-то полагает, что психические состояния можно соотнести с состояниями мозга, это несколько не обесценивает значимость психологии: точно так же химия не обесценивает биологию, а физика в свою очередь не обесценивает химию. Едва ли не всё в нашей Вселенной можно описать совершенно разными способами и на разных уровнях, и душевные

переживания человека в том числе. Если рассматривать явление не с одной, а с нескольких точек зрения, то можно получить более полную и понятную картину. Поэтому в моих комментариях к описываемым случаям есть также ссылки на биологическую психиатрию и науки, связанные с изучением мозга.

Ему было девятнадцать – студенту-философу с грязными волосами и реденькой бородкой. Тёмные круги под глазами свидетельствовали о бессонных ночах, а одежда пропахла табаком. Его бросила девушка, и он демонстрировал классические симптомы любовной горячки, описанные поэтами не одну сотню лет назад. Гнев и страдания выплёскивались из него, как волны бушующего моря, набрасывающиеся на берег.

– Не понимаю, как такое произошло. Просто в голове не укладывается. – Я заметил, как он раздражённо трясёт мыском ноги. – Можете вы мне хоть что-нибудь объяснить?

Смысловый акцент превратил невинный вопрос в настоящий вызов, окрашенный тенью презрения и упрёком в бессилии.

– Зависит от ваших вопросов, – ответил я.

На его щеках заиграл румянец.

– В чём смысл? Я имею в виду... жизни, любви. В чём их смысл?

Говоря о жизни и любви, люди почти всегда связывают их, потому что вряд ли возможно рассуждать о жизни, обходя стороной любовь. По сути, когда мы задаёмся вопросами о природе любви, вместе с тем мы затрагиваем другие очень глубокие вопросы: что значит быть человеком и как жить?

Мой молодой пациент развёл руками, ожидая ответа:

– Ну так что?

Глава 1

Помощница адвоката: любовь, не приемлющая отказа

Мы сидели друг напротив друга в высоких креслах. На столике между нами лежало незаменимое орудие каждого опытного психотерапевта – коробочка с бумажными платочками. Орудие не только незаменимое, но и одно из самых непримечательных. За всю свою жизнь я провёл множество часов, наблюдая за плачущими людьми.

Меган было сорок с лишним лет. У неё было доброе лицо с мягкими округлыми чертами. Когда лицо расслаблялось, на нём угадывалась застенчивая почтительная улыбка. Подбородок обрамляли пряди аккуратно подстриженных каштановых волос. Меган была скромно одета. Подол юбки прикрывал колени, туфли, судя по виду, выбирались из соображений практичности, а не из-за красоты. Какой-нибудь злопыхатель мог бы назвать женщину старомодной.

Её терапевт прислал мне сопроводительное письмо, в котором содержались основные данные о её случае. Сопроводительные письма (как правило, их записывают на диктофон, а секретарь потом расшифровывает) всегда выдержаны в нейтральном тоне. Короткие, ёмкие предложения лишены эмоций, указываются лишь имя, адрес и обстоятельства. Однако история Меган привнесла драматизм даже сюда. Скупое описание терапевта так и не смогло сгладить основные элементы, присущие трагической любви: накал эмоций, безрассудство, желание и страсть.

Я изучил сопроводительное письмо ещё до того, как Меган вошла в кабинет, и меня терзало любопытство, как же она выглядит. Мой мозг тут же нарисовал традиционный портрет героини романтической истории: высокая, стройная, волосы растрёпаны, взгляд отчаянный. Признаюсь, я был несколько разочарован, когда увидел настоящую Меган.

Внешность действительно бывает очень обманчива. Редко случается так, что мы в первую же встречу видим истинную сущность человека. Обычно необходимо пристально всматриваться, прежде чем станет ясно, кто перед нами. В ту, первую встречу я увидел ничем не примечательную помощницу адвоката. Позже выяснилось, что передо мной сидело куда более экзотическое существо, но мои предубеждения не позволили разглядеть это немедленно.

После недолгих приветствий и знакомства я рассказал Меган, что прочёл сопроводительное письмо терапевта, однако мне хотелось бы услышать её версию случившегося.

– Такое сложно рассказать, – ответила она.

– Да, – согласился я, – понимаю, непросто.

– Я могу пересказать события, – продолжала она, – всё, что случилось, но вот объяснить, как я это чувствую, – вот именно это сложно.

– У нас много времени, – откликнулся я. – Не торопитесь.

Меган никогда не страдала психологическими расстройствами, если не считать пары случаев лёгкой депрессии.

– Серьёзной депрессии у меня никогда не было, – рассказывала она. – Ну, то есть такой, как у некоторых моих знакомых. У меня лишь временами портилось настроение, вот и всё. А потом проходила пара недель, и настроение снова приходило в норму.

– Может, что-то влияло на смену вашего настроения?

– Адвокаты, на которых я работаю, иногда очень требовательны. Возможно, всё дело в стрессе.

Я понимающе кивнул и сделал кое-какие пометки в блокноте.

Меган уже двадцать лет была замужем. Её муж, Фил, работал бухгалтером, и они были счастливой парой.

– Детей у нас нет, – по собственной инициативе рассказала она. – Не то чтобы мы так решили, что у нас не будет детей, просто постоянно то одно, то другое – не до того было. Мы всё откладывали и откладывали этот вопрос, а потом как-то уже и бессмысленно стало обзаводиться детьми. Порой мне любопытно, каково быть мамой и когда вокруг детишки, но не скажу, что сильно печалюсь по этому поводу. Мне не кажется, что я упустила в жизни что-то важное. Уверена, Фил думает точно так же.

Два года назад Меган отправилась на консультацию к стоматологу, который проводил сложные операции по удалению зубов.

– Вы помните вашу первую встречу?

– С Даманом?

Несколько необычно, что она назвала стоматолога по имени, а не по фамилии. Вроде бы мелочь, но в данном случае стоило обратить внимание.

– С мистером Верма. – Я не пытался поправить Меган, а всего лишь удостоверился, что мы говорим об одном и том же человеке.

Она посмотрела на меня чуть озадаченно, и я ободряюще кивнул, чтобы она продолжала рассказ.

– Он осмотрел меня, сказал, что зуб придётся удалять, и я отправилась домой.

– Мистер Верма показался вам привлекательным? Вы почувствовали что-нибудь по отношению к нему?

– Мне подумалось, что он довольно красив. И такая приятная манера общения. Но... – Она тряхнула головой. – Не знаю. Вот именно в этом вся сложность. Такое трудно описать. Возможно, я почувствовала что-то прямо в нашу первую встречу. Да. Скорее всего так и было. Просто я ещё не знала, что именно происходит. Я растерялась.

Я уловил ноту беспокойства в её голосе.

– Продолжайте... – произнёс я.

Даман Верма провёл операцию. Она прошла успешно, без осложнений. Когда Меган очнулась после анестезии, она ощутила в себе перемену.

– Я знала, что вокруг меня люди – две медсестры... Слышала разные звуки, голоса. Я открыла глаза, увидела свет на потолке, и, чётко помню, мне пришла тогда в голову мысль: «Мы должны увидеться». Мне не было страшно, я ни о чём не беспокоилась. Меня даже не интересовало, как прошла операция. Всё, что мне хотелось, – увидеть Дамана.

– Зачем?

– Я просто... мне очень хотелось. Я чувствовала – не знаю, как сказать, – потребность, что ли.

– Вы хотели ему что-то сказать?

– Нет. Просто хотела увидеть его.

– Я понимаю, но почему хотели? – я настаивал на более точном ответе, но Меган то ли не хотела, то ли не могла его дать.

Стоматолога позвали, он зашёл в послеоперационную палату. Он держал Меган за руку и наверняка говорил ободряющие слова. Она не может припомнить, какие именно, потому что не слушала их. Она была очарована его лицом, которое вдруг показалось ей божественно прекрасным; лицом, которое воплощало идеал мужественности: в нём читались и сила, и состоятельность, и манеры, – и вдруг она уловила в ответном взгляде нечто необычное и настолько неожиданное, что чуть не вскрикнула, – Меган увидела взаимность. Стоматолог хотел её не меньше, чем она его. Всё просто очевидно. Почему она не замечала этого прежде? Едва он собрался уходить, Меган крепко схватила его за руку, но врач посмотрел на неё с удивлением. Ну конечно же, он ведь не может высказать свои чувства в присутствии медсестёр. Разве он может рассказать о своей любви тут, в послеоперационной палате? Ему нельзя забывать о своей репутации и профессиональном этикете. Такая игра напоказ и неуклюжие попытки скрыть

правду даже слегка позабавили Меган. Она отпустила его руку, непоколебимо уверенная, что их любовь настолько крепка и безгранична, что они непременно проведут остаток жизни вместе, будучи неразлучными, и даже, скорее всего, умрут в один день.

Принцесса пробуждается от долгого колдовского сна и видит перед собой прекрасного принца. Такая сцена описана и в сказке братьев Grimm «Шиповничек», и в «Спящей красавице» Шарля Перро.

Возможно ли настолько сильно влюбиться с первого взгляда? Или такое бывает лишь в сказках? Оценка того, привлекателен человек или нет, происходит в мозгу за долю секунды; если решение оказывается положительным, то оно ведёт к определённым умозаключениям. Мы склонны считать, что с красивыми людьми приятней общаться, что они более дружелюбны и интересны. Такое явление хорошо известно, и у него есть название – гало-эффект. Что же касается Меган, она испытывала намного более глубокие чувства. Кажется невероятным, что незнакомые люди способны за одну секунду сформировать прочные, полноценные узы. Как такое может случиться? Оба человека ничего не знают друг о друге. Однако довольно большой процент людей утверждает, что им доводилось испытать любовь с первого взгляда, и множество пар, переживших такой опыт, строили семейные отношения. Некоторые психологи полагают, что мгновенное притяжение связано с эволюцией. Например, оно ускоряет наступление полового акта, чтобы человек реализовал как можно больше возможностей продолжить свой род. Повышается вероятность передачи генов следующему поколению, что полезно как для отдельного индивида (как минимум для его генов), так и для всего вида в целом. Склонность к любви с первого взгляда, возможно, заложена в нас на самом базовом биологическом уровне.

То, что Меган мгновенно влюбилась в Верма, по сути, не такой уж примечательный факт. Куда более необычна её абсолютная уверенность в том, что Верма ответил ей взаимностью. Часто люди говорят о том, что они с кем-то на одной волне и думают об одном и том же, но мало кто стал бы так смело утверждать, что досконально знает, о чём думает или что чувствует другой человек – особенно если они только что познакомились.

– Как вы догадались, что Даман Верма влюбился в вас?

– Я просто знала.

– Да, но как?

– Просто знала, и всё.

Повтор одной и той же фразы создал разговорный барьер.

Я немного помолчал, обдумывая, как бы нам выйти из тупика. Со времён Фрейда и по сей день психотерапевты прибегают к методу, известному как сократовы вопросы: они задают наводящие вопросы, которые помогают пациентам взглянуть на ситуацию более критически. Сократовы вопросы лучше всего работают, когда их задают не в лоб, а осторожно, едва касаясь большой темы. Данный подход хорошо отражён в восточной мудрости: «Не борись с препятствием – огибай его».

– Почему, – спросил я, – мы верим именно в то, во что верим, а не во что-то другое?

Меган прищурила глаза, будто не могла меня разглядеть.

– У нас есть определённые причины... – ответила она.

– Так каковы же были ваши причины, по которым вы решили, что Даман Верма влюбился в вас?

– Такие вещи не поддаются анализу.

– Возможно, вы правы. Но мне бы хотелось поговорить об этом немного. Вдруг нам удастся что-то прояснить?

Меган молчала. Порой во время терапии наступает такая тишина, что кажется, будто остановилось само время. Всё вокруг замирает. Тишина настолько густая, что любой вопрос

звучит неуместно и несуразно. Я повернулся в кресле. Простое движение неожиданным образом разбило чары безмолвия, и время вернулось в прежнее русло.

– Я поняла по его глазам, просто увидела.

– Что вы увидели?

– Его желание. Ведь по глазам можно многое прочесть.

Она начала защищаться, и в её голосе появились раздражённые нотки.

– Мы интерпретируем каждый взгляд, – откликнулся я. – Но знаем ли мы, о чём думает человек на самом деле, по одному только его взгляду?

– Не всегда.

– Вы были пациенткой Дамана Верма и попросили его зайти к вам в палату. Возможно ли, что вы неверно истолковали его взгляд? И в его глазах читались скорее забота и беспокойность вашим здоровьем?

– Я увидела в его глазах нечто большее. Знаете, говорят, есть такой особый взгляд – взгляд влюблённого...

В самом деле, люди частенько упоминают о таком взгляде. То, о чём они говорят, учёные называют «совокупительным взглядом»: зрительный контакт держится несколько секунд, пока один из участников не отводит глаза. Такое случается, когда потенциальные любовники встречаются впервые, и глубокий изучающий взгляд, как правило, сигнализирует о сексуальной заинтересованности. У обезьян всё точно так же.

– Вы абсолютно уверены.

– Да.

– И не может быть какого-то иного объяснения?

– Нет, вряд ли...

– Всё это вы увидели в его глазах.

– Я прекрасно знаю, что увидела. – Меган подняла руки ладонями вверх, и на её лице появилась извиняющаяся улыбка.

Что она хотела сказать?

На самом деле во взгляде Верма не было ничего особенного. Ни малейшего намёка на желание. Он был стоматологом, имевшим широкую частную практику и хорошие связи, а Меган – очередной его пациенткой. Верма отвечал за её операцию и здоровье, поэтому проявлял заботу и беспокоился. Когда же он покинул её палату, то, вероятно, полагал, что увидит Меган разве что на последующем обследовании, а больше уже никогда. Если он и в самом деле так думал, то, как показало время, ошибался. Сильно ошибался.

– Я не могла не думать о нём. Я ощущала, что и он думает обо мне.

– Как именно ощущали?

Она не обратила внимания на мой вопрос:

– Как несправедливо. Мы хотели быть вместе, но он так и не смог разобраться, что ему делать.

– Если бы он в самом деле хотел быть с вами, разве не развёлся бы он с женой?

– Нет. Даман – добрый человек, добрейший. Он не хотел ранить её чувства.

– Он сам говорил вам об этом?

– Ему не нужно ничего говорить. – Меган устало посмотрела на меня. Было совершенно ясно, что ей не хочется снова оправдывать себя. Даже сократовы вопросы в какой-то момент начинают утомлять.

После операции Меган думала о Верма днями и ночами. Она потеряла сон и, когда снова вышла на работу, никак не могла сосредоточиться. Ей безумно хотелось, чтобы он был рядом.

– Он привлекал вас в сексуальном плане?

– Нет, – замотала головой Меган. А затем вздохнула. – То есть да. Был такой момент. Но именно момент, крохотная доля. Дело-то было не в сексе. Понимаете, если бы мы могли

быть вместе, но не имели бы никакого физического контакта, то ничего страшного. Пусть и без секса, но нас бы всё равно тянуло друг к другу.

Муж заметил, что её настроение ухудшилось, но не мог понять, в чём дело. Он пытался поговорить с ней, но Меган держалась отстранённо и уходила от расспросов.

Так проходили недели.

Жажда общения с Верма всё копилась и копилась внутри Меган. Разлука стала невыносимой и превратилась в настоящую пытку. Тогда Меган решила позвонить ему.

– Разговор получился нескладным. Я дала Даману шанс признаться в любви, но он испугался. Чувства слишком сильно захлестнули его, он просто оказался не готов.

– О чём вы разговаривали?

– Сначала мы говорили о том, как прошло восстановление после операции. А потом мне пришлось направить беседу в нужное русло, и я предложила встретиться за чашечкой кофе, чтобы обсудить, как нам быть дальше. Район Темпл, где я работаю, не так уж и далеко от Харлистрит. Я сказала, что возьму такси.

– И что он ответил?

– Притворился, что не понимает, о чём речь. Я продолжала настаивать, но он уклонялся от темы. Потом извинился и повесил трубку.

– Он испугался собственных чувств, поэтому оборвал разговор.

– Именно так...

– А его поведение можно истолковать как-то по-другому?

Меган пожала плечами.

Телефонный разговор не поколебал её уверенности. Она стала звонить Верма регулярно, порой по несколько раз в день. Администраторы в стоматологической клинике отвечали ей ледяным тоном и просили прекратить звонки. Проведя небольшое расследование, Меган нашла домашний номер Верма. Трубку взяла его жена, Агни, и Меган как можно деликатней изложила ей ситуацию – ведь именно этого и хотел Даман, – но жена стоматолога пришла в ярость.

– Она сказала, чтобы я обратилась за помощью.

– И как вы восприняли её слова?

– Я ожидала подобной реакции.

– То есть вы понимали, как расценят ваш поступок другие люди?

– Решат, что я умом тронулась? Вы на это намекаете?

– Ничего такого я не говорил. – Тут я покривил душой. Именно на это я и намекал.

– Да, – кивнула Меган. – Я понимала...

– Заставило ли вас это осознание на минуту остановиться и взглянуть на ситуацию с другой стороны, переосмыслить своё поведение?

– Мне было всё равно, что думают обо мне другие.

– А теперь? Теперь вам всё равно?

Мы сидели, разделённые маленьким столиком, и пристально смотрели друг на друга.

Меган ежедневно писала Верма длинные, подробные письма, в которых предлагала выходы из ситуации и умоляла признать их любовь, на которую нельзя закрыть глаза и от которой никуда не деться. Он не обретёт счастья до тех пор, пока не признает свои подлинные чувства. Какой толк притворяться, будто всё неправда? Никто не посмеет упрекнуть его – их обоим нельзя упрекать, да и в чём? Ведь случилось нечто грандиозное, нечто прекрасное и невероятное, и пути назад уже нет. Без страха должны они ступить навстречу своему совместному будущему. Их жизни уже никогда не станут прежними. Жить порознь – значит превратиться в пустые блёклые тени. А ведь на кону не только их будущее – нужно подумать и о будущем супругов. Не стоит держать Филиппа и Агни в неведении и морочить им головы. Они добрые люди и заслуживают чистой любви, а не фальшивого брака.

– Я ждала у клиники, где он работал. Ждала несколько часов. А когда он вышел, я бросилась к нему.

Меган прикусила нижнюю губу и замолчала.

– Что случилось дальше?

– Он не захотел со мной разговаривать. Я сказала ему, что всё понимаю – всё случилось слишком быстро, и, наверно, ему нужно время, чтобы разобраться. Но в конце концов, сказала я, он обязательно поймёт и признает, что всё взаправду.

Верма созвонился с терапевтом Меган, а тот в свою очередь связался с её мужем.

– Что сказал Филипп, когда узнал о случившемся?

Меган посмотрела на потолок и приложила ладонь к губам. Ответ прозвучал чуть слышно, но всё же разборчиво:

– Расстроился.

Что же случилось с Меган? До встречи с Даманом Верма она вела размеренную жизнь: работа, выходные, совместный досуг с мужем. Но всё изменилось в мгновение ока.

Меган стала жертвой редкого, но хорошо известного психического расстройства – синдрома Клерамбо, который был подробно описан в 1921 году французским психиатром Гаэтаном де Клерамбо. Страдающая от данного расстройства женщина – мужчины ему также подвержены, но в значительно меньшей степени, – влюбляется в мужчину (с которым она едва знакома или незнакома вовсе) и верит, что он точно так же страстно влюблён в неё. В большинстве случаев больная утверждает, что мужчина влюбился в неё первым. Такое ощущение появляется у неё без какой-либо реальной причины или поощрения со стороны возлюбленного. Избранник – порой употребляется термин «жертва» или «объект», – как правило, старше женщины, более высокого социального положения или же широко известная личность. Его недоступность может подхлестывать женщину ещё больше. После того как чувства вспыхнули, начинаются навязчивые и неуместные попытки сблизиться, которые крайне беспокоят и раздражают жертв.

Как уже говорилось, мужчины тоже подвержены синдрому Клерамбо, однако женщин он настигает намного чаще. Точное соотношение неизвестно, но если делать приблизительные расчёты, то на одного мужчину приходится примерно три женщины.

Синдром Клерамбо (или что-то очень похожее на него) описывался на протяжении многих веков – его можно встретить даже в античных сочинениях, – поэтому, когда де Клерамбо взялся писать свой труд, он не был первопроходцем как таковым, он лишь пересмотрел явление, которое прежде называлось эротоманией. Тем не менее именно его имя приходит в голову, когда речь заходит о, без сомнения, самом значимом среди прочих любовных недугов. Наверно, так получилось потому, что описание, которое дал де Клерамбо, было более подробным – ведь он обратил внимание не только на сексуальный, но и на эмоциональный аспект в состоянии пациентов.

Сегодня термины «синдром Клерамбо» и «эротомания» употребляются как синонимы. Какое-то время это расстройство носило довольно грубое название – «помешательство старой девы». В современных диагностических системах оно называется бредовым расстройством эротоманического типа. Тем не менее имя де Клерамбо продолжает мелькать в спорных областях психиатрии, и многие люди продолжают говорить «синдром Клерамбо», пренебрегая современным, более точным термином. Возможно, всё дело в том, что «синдром Клерамбо» звучит более мягко и чуть-чуть драматически. Он напоминает о будоражащем периоде прошлого, когда человеческое сознание представляло собой дремучий лес с нехоженными тропами.

Самый известный случай в практике де Клерамбо – французская портниха пятидесяти трёх лет, которая верила в то, что в неё влюблён сам король Георг V. Она несколько раз приезжала в Англию, чтобы повидать его, и каждый раз поджидала у ворот Букингемского дворца. Когда портниха замечала движение штор за окном, она тут же делала вывод, что таким обра-

зом король подаёт ей сигналы. То, что король не делал никаких попыток встретиться с ней, она объясняла тем, что он пытается отрицать свои чувства: «Король может ненавидеть меня, но никогда не забудет. Я всегда буду в его сердце, равно как и он в моём».

Портниха попутно страдала ещё и параноидальным психозом. Она, к примеру, верила, что король порой вмешивается в её дела. Синдром Клерамбо часто идёт рука об руку с такими состояниями, как шизофрения или биполярное расстройство.

В случае Меган примечательна её заурядность. Ничто в её жизни не предвещало того, что с ней может произойти. Её пример лишний раз доказывает, что, когда дело касается психического здоровья, все мы ходим по туго натянутому канату, и незначительное дуновение ветерка может заставить нас потерять равновесие и сорваться вниз.

Помимо медалей за отличную службу во время Первой мировой войны, де Клерамбо также удостоился наград в области изобразительного искусства. Некоторые его картины выставлены в музеях Франции. Самая ранняя его работа – цикл фотографий, на которых запечатлены женщины в парандже. Когда де Клерамбо перевели в военный госпиталь в Северной Африке, он впервые увидел традиционные марокканские одежды, и их художественная выразительность зачаровала его. Фрейдисты разглядели здесь символические намёки: укрытая тайна, соблазн, снятие покрыва и обещание разгадки. Снимки де Клерамбо – это таинственные изображения в духе викторианских времён, они долгое время оставались незамеченными, и только в последние годы культурологи обратили на них внимание.

В 1934 году, после двух неудачных операций по удалению катаракты, де Клерамбо сел перед зеркалом, взял винтовку и выстрелил себе в голову.

Он оставил предсмертную записку, в которой пытался объяснить своё решение тем, что картина, которую он хотел передать Лувру, обманным путём ушла на аукцион. Де Клерамбо был опозорен и впал в депрессию. Однако, мне кажется, куда более веской причиной стала перспектива ослепнуть. Много лет де Клерамбо изучал людей с двух точек зрения: он смотрел на них как психиатр и как художник. Он видел каждую шероховатость, каждый изгиб и каждую морщинку и мог объяснить, почему они появились. Жизнь без такой пронзительной силы восприятия не стоила ничего.

Наверняка Клерамбо пристально всматривался в своё отражение перед тем, как спустить курок. Интересно, что он видел.

– Как отреагировал Филипп?

– Огорчился. Но он не говорил ничего дурного. Он не обвинял меня в предательстве. Мы побеседовали, я попыталась ему всё объяснить, но он не понял меня. Не до конца. Фил сказал, что любит меня и я всегда могу рассчитывать на него. Так печально было слышать его слова.

– Потому что вы больше не любили его...

– Нет-нет. – Меган взглянула на меня с ужасом. – Я всегда любила Филя. Просто мои чувства к Даману... – Она осеклась и оглядела комнату, будто искала какую-то потерянную вещь. Но затем черты её лица обрели резкость, и она встревоженно посмотрела на меня. – Они совсем другие, более возвышенные.

– Более духовные?

– Не знаю, может быть. Не мне знать, каков замысел божий. Но я совершенно точно уверена, что любовь к Даману не такая, как к Филу: она сильнее, глубже – будто так всё и должно быть.

– Будто предначертано судьбой?

– Да, именно так. Предначертано судьбой...

Муж отвёл Меган к психиатру, который назначил ей пимозид – нейролептик для лечения бредового расстройства. Этот препарат блокирует дофаминовые рецепторы в мозгу. Нейромедиатор дофамин участвует в процессах запоминания, обучения, движения, бодрствования, сна, регуляции и выработки некоторых гормонов, но также он вызывает чувство удовольствия, его ещё называют гормоном счастья. Неудивительно, что ему приписывается одна из ведущих ролей в формировании зависимостей. Циркуляция дофамина в мозгу также оказывает влияние на то, что, с биологической точки зрения, зовётся романтической любовью.

Меган исправно принимала предписанное лекарство, хотя и не верила, что её любовь к Верма, как решил психиатр, всего лишь симптом тяжёлого заболевания. Препарат не помог. Чувства к Верма не изменились. Психиатр увеличил дозу – никакого эффекта. Похоже, жгучее желание Меган только усилилось. Она всё чаще приходила к стоматологической клинике и стояла неподалёку в ожидании. Порой Верма замечал её и отправлял к ней секретаршу с сообщением: иди домой. Меган не противилась. Да и к чему? Она с улыбкой кивала и шла обратно к метро. Она смотрела на ситуацию в целом: его неприятие не имело значения, в конце концов он примет свои истинные чувства, и её терпение будет вознаграждено.

Часто Меган удавалось оставаться незамеченной: когда она пряталась неподалёку от входа или стояла на дальнем участке парковки, – и тогда её дежурство у клиники могло длиться целый день. Когда наступила зима и сильно похолодало, она продолжала стоять, согреваемая одной только мыслью, что Верма тут, неподалёку.

Однажды днём, часов в пять, Меган увидела, что её «возлюбленный» вышел из клиники и отправился домой, и тут же последовала за ним. Когда он зашёл в дом, она остановилась под фонарём напротив входной двери и стала ждать, рисуя в воображении, что сейчас делает Верма. Но её заметила Агни, которая случайно выглянула в окно. Через несколько минут на улицу в ярости выскочил Даман. Он стал угрожать вызовом полиции. Меган же решила, что он просто-напросто разыгрывает сцену: «Он притворился, не хотел ранить чувства жены. Но на самом деле глубоко в сердце он и сам желал, чтобы я пришла к нему». Меган не сопротивлялась. Когда ей говорили идти домой, она покорно выполняла приказ, но в этот раз её поведение встревожило всех, особенно Агни. У супругов Верма было двое детей: мальчик восьми лет и девочка десяти лет, – и Агни переживала за их безопасность. Надо отметить, что Даман Верма пришёл к радикальному решению – он уехал с семьёй в Дубай на новое место работы. Переезд в другую страну случился не из-за Меган: Даман и Агни уже обсуждали такую возможность. Однако именно пережитый стресс заставил их сделать окончательный выбор. Даман Верма понял, что безудержная, патологическая любовь Меган не угаснет никогда. Как ни парадоксально, но никакая истинная любовь по своей силе и долговечности не сравнится с любовью патологической. Только значительная дистанция, разделившая его с Меган, дала Верма шанс вернуть жизнь в прежнее русло.

На момент, когда терапевт направил ко мне Меган, семья Верма уже полгода жила в Дубае. Меган больше не посещала психиатра, и терапевт полагал, что её состояние значительно улучшилось. В то же время он полагал, что Меган будет полезно поговорить о пережитом опыте с психотерапевтом. Как всякая получившая травму жертва, она смогла бы лучше справиться с произошедшим, если бы смогла осмыслить этот опыт. Но чем дольше я беседовал с Меган, тем больше подозревал, что её состояние никак не улучшилось – просто она стала более умело скрывать свою боль.

– Вы ведь всё ещё тоскуете по Даману, верно?

– Да. Очень тоскую. – Меган внимательно рассматривала свои руки. Она говорила, не глядя на меня, голова её была опущена. – Я часто думаю о том, как у него дела и что он делает. Там, в Дубае... Я вижу, как он просыпается, вылезает из кровати, чистит зубы и отправляется на работу. – Примечательно, что она не видит его в кругу семьи. – Представляю, как он ведёт

машину, слушает радио, как вокруг светит солнце. Вижу, как он входит в рабочий кабинет и готовится принять пациента. Я будто бы смотрю фильм или телепередачу: вижу, как он моет руки, как надевает операционный халат. – Она слегка постучала пальцем. – Когда наступает вечер, я стараюсь остаться одна, потому что знаю: в это время в Дубае он уже ложится спать. Он будет лежать в темноте, и ничто не будет его отвлекать. И тогда я ощущаю, будто могу дотянуться до него, и он обязательно почувствует, что я думаю о нём, – и тогда начнёт думать обо мне, и мы оба будем думать друг о друге, и как будто... – Меган подняла голову, и я увидел на её лице блаженство, как будто она впала в духовный экстаз. Её глаза сияли, а щёки пылали. Она глубоко вздохнула и продолжила: – Как будто мы с ним – единое целое.

Вне сомнений, всепоглощающие фантазии Меган вызвали экстатическое состояние, похожее на то, что описывается религиозными мистиками. Единение человеческой души с Богом приводит в восторг и пьянит настолько сильно, что в священных книгах и религиозной поэзии часто используется эротическая аллегория, чтобы передать глубину божественного причастия. Оргазм – единственное, что может сравниться с ним в плане переживаемого опыта.

Ромен Роллан в переписке с Фрейдом употребил выражение «океаническое чувство» для обозначения истинного источника религиозных чувств. Однако Фрейд не обнаружил этого чувства у себя и рассматривал данное явление как обычную психологическую регрессию «к ранней фазе чувства Эго». Он верил, что любое ощущение симбиоза проистекает из воспоминаний, заложенных во младенческом возрасте, когда граница, разделяющая человеческое «я» и весь остальной мир, не сформирована до конца и остаётся уязвимой. Испытывающие экстаз любовники и религиозные мистики в некотором смысле возвращаются в материнскую утробу и во времена грудного вскармливания. Возможно, мы всегда жаждем вернуться к самым первым дням нашей жизни, полным благостной свободы от ужасов отделения от родителей. Часто говорят, что мы рождаемся одинокими и одинокими умираем (афоризм приписывается то индийскому философу Чанакье, жившему в IV веке до нашей эры, то актёру Орсону Уэллсу). Но это не совсем так. Мы не одиноки, когда рождаемся, и, наверно, помним об этом всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.